

Галковский тупик

Общая газ. - 1998. - 25 янв. - Уфа. - с. 10.

Писатель, объявивший холодную войну прессе, дал интервью «Общей газете»

свою репутацию подпольного человека, в свою квартиру Галковский никого не пускает. А может, ему спокойнее разговаривать в людных местах. Встретиться в кафе он согласился довольно охотно, хотя и пожалел, что я не девушка.

— Что, девушкам проще мозги крутить?

— У девушек они обычно уже закручены. Так что их остается совсем чуть-чуть подкрутить...

— Не думаю, что в Москве много девушек, способных адекватно поддерживать беседу с вами. Раньше вы были бритым наголо, носили френч, отрастили бородку, как у Ленина. Теперь у вас иной, менее эпатажный имидж...

— Френч я носил только потому, что у меня ничего другого не было. Я очень беден. Стригся наголо тоже из практических соображений. Бородку я отращивал не ради сходства с Лениным, а по нежеланию бриться, но борода плохо росла, и я ее сбрил. Что до Ленина: я действительно считаю его Антихристом, но отношусь уважительно. Ведь Антихрист — пародия на Бога, значит, в нем тоже есть что-то божественное.

— Кто ваши родители, если не тайна?

— Мой отец умер, когда мне было 17 лет. Это был очень одаренный человек, гуманитарий, который всю жизнь менял работу и под конец оказался по протекции какого-то друга на ЗИЛе. После школы там работал и я — чистил вентиляцию в горячих цехах. С рабочим стажем был шанс поступить на философский факультет МГУ, куда я и пошел с третьей попытки. Отец был человеком литературным, но не реализовавшимся, и всю жизнь стыдился этого. Я долго жил с матерью и сестрой, но потом однажды собрал вещи и ушел от них: мне казалось, что я отнимаю у них

пространство. Сейчас живу один.

— Как вам с вашими взглядами удалось удержаться на факультете?

— Не знаю. Мне кажется, что человек после пяти лет не меняется, и сам я еще до школы определился целиком. Моим любимым занятием было — лежать и думать. Я полагаю, философ не должен делать ничего другого. На факультете я совершенно не занимался так называемой советской философией и изучал главным образом античность. Тема диплома — «Идеальное государство у Платона и Аристотеля». Мне сказали, что такой диплом никто у меня не примет. Я чисто механически отделил от него ровно половину и защитился на «отлично».

— Кто из российских философов вам — не скажу «близок», но интересен?

— Настоящий философ в России в XX веке был один — Розанов. Шестов всю жизнь писал одну и ту же книгу, хотя кругами делился целиком. Моим любимым — публицист. Лосев — компилятор. Есть прозрения у Булгакова. О советском периоде говорить не приходится. В общем, каждый пишущий пишет всю жизнь только о себе — все дело в мере последовательности.

— Как вы думаете, в чем причина такой искренней нелюбви к вам в пишущей среде?

— Еще со школьных лет — меня избивали, в восьмом классе сломали руку — я понял: все советские, а я — русский. У шести-

десятников был шанс стать первым русским поколением, но они предпочли остаться последним советским. И со мной они боролись тоже по-советски. Мне все время кажется, что меня принимают не за того. На самом деле я добрый и сентиментальный человек. У меня есть свой — может быть, неожиданный для вас — идеал семейного счастья. Семья. Двое детей. Дом, лужайка. Собака чтобы бегала... с ушами...

— Что вас побудило написать «Тупик»?

— Я писал его, в сущности, для того, чтобы всего себя рассказать девушке, которую любил. Она была с соседнего потока, мы учились вместе. Она над книгой посмеялась. Не уверен даже, что прочла ее целиком. Я думал о публикации ее в «тамиздате» — тогда меня бы сразу выслали, и я мечтал об этом как о подвиге...

— Мечты почти набоковские, только наоборот. Помните «Подвиг»?

— Это единственный роман Набокова, который я не читал... Потом здесь начали печатать все, и я был уверен, что мою книгу издадут. Сегодня моя жизнь безнадежно испорчена, я говорю об этом совершенно открыто. В какой-то момент я просто понял, что меня не должно быть.

— Как вы сами определяете жанр «Тупика»?

— Это философский роман о последних ста годах российской истории, литературы и философии.

— Вы решили написать «крутую», замкнутую книгу, в которой любое суждение опровергается. В этом смысле она похожа на Россию: что ни скажи — все верно.

— Я люблю все сложное. Я потому и не покончил с собой, что слишком ценю сложный организм, который из себя представ-

ляю. И вот, любя сложные вещи, я образцом сложности считаю пуантилизм. Там точка, здесь точка. Там голубая, здесь красная. А вместе — снег, белый. И вот «Тупик» — это такая же картина мира. Сегодня, в одном настроении, написано одно. Завтра — другое. А вместе — жизнь, и воспринимать все это можно на разных уровнях.

— Как вы оцениваете свою аудиторию, к кому обращаетесь?

— Моя аудитория в России, я уверен, не превышает ста человек. Это тираж моего журнала «Разбитый компас».

— Я слышал, что у него две цены...

— Коммерческая — 50 долларов, благотворительная — 5. Первая для тех, кто хочет, чтобы автор нормально жил. Вторая — для тех, у кого столько денег нет.

— Вам не наскучило в подполье?

— Когда-то мне хотелось быть признанным здесь. Я не заслужил того, что со мной сделали. Но сейчас меня заботит только последовательность.

— Вам не кажется, что в разоблачениях шестидесятников вы все-таки пережестовывали?

— Я ничего плохого не желаю никому из шестидесятников. Я просто показывал, что это действительно очень советские люди, неспособные самостоятельно мыслить и тяготеющие к объединению.

— Вы упомянули о своем несостоявшемся самоубийстве. Не кажется ли вам, что и революция в России была формой самоубийства — попыткой хоть так выйти из своих противоречий?

— Русская революция была в чистом виде антиколониальной. Россия сама себе была и империей, и доминионом — и сама против себя бунтовала.

— А какие-то догадки о будущем России у вас есть?

— По-моему, она находится на пути к нормальной демократии западного типа. Политики типа Ельцина и Черномырдина скоро не будут играть в ней никакой роли. Их время кончается, потому что сегодня любой школьник знает больше.

Беседовал Дмитрий БЫКОВ

Отказ от премии «Антибукер» становится традицией. В прошлом году поэт Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ сделал красивый жест. Теперь от премии по прозаической номинации отказался Дмитрий ГАЛКОВСКИЙ. И это уже не жест. Это прямо следует из всего образа мыслей Галковского, вот уже три года как сознательно ушедшего в подполье, куда его так выжили. Подпольным человеком с легкой руки Достоевского стал у нас называться человек, расковыривающий свои и чужие язвы. Галковский против такого определения не возражал бы. В начале 90-х его публикации в «Независимой газете» были объектом бесперывных нападок, полемик и восторгов. Однажды он перечитал все, что о нем было написано, и пришел к выводу: его, Галковского, не надо. И тут же собрал нескольких адептов и дал пресс-конференцию в ЦДЛ. «Советская пресса объявила обструкции мне, — заявил он. — Я объявляю обструкцию советской прессе».

Толстенный фолиант «Бесконечного тупика» — главный труд его жизни, на публикацию которого двадцативосьмилетний тогда автор возлагает большие надежды, издан только за счет спонсорской помощи тиражом 500 экземпляров. На продажу этих экземпляров по 15 долларов штука да на торговлю собственным журналом «Разбитый компас» Галковский живет. Журнал он заполняет собственными статьями на актуальные политические и философские темы.

В заявлении Галковского по случаю присуждения ему «Антибукера» за «Бесконечный тупик» (12 тысяч долларов) читаем: «Я отнесся к сделанной вами в свое время оценке моих способностей с полным уважением и, в сущности, выполнил настоятельную просьбу, навсегда уйдя из официальной литературы. Почему же вы сами не уважаете собственное мнение и теперь от него отказываетесь? ... Я не хочу, чтобы мой отказ обидел конкретных людей, присудивших мне премию. Жалко только, что, объединившись в социальную корпорацию, достойные люди теряют нравственные ориентиры». Может быть, оправдывая